

Смазав ноги мазью, погревшись у огня и смыв остатки лечебного бастiona, Вэй Цзи лёг на постель Цзян Яня, укрывшись его одеялом.

В спальне царил полумрак, и лишь в юго-восточном углу тускло горел светильник.

В сердце Вэй Цзи роилось слишком много мыслей, к тому же всё вокруг пропиталось запахом Цзян Яня, так что даже при всей усталости сон никак не шёл.

Ближе к рассвету снаружи слышался лёгкий шорох, и Вэй Цзи вздрогнул и проснулся.

Неизвестно когда поднялся сильный ветер, и тени ветвей на окнах замахали когтистыми лапами.

Наверное, опасаясь потревожить его сон, Цзинь Жуйфу отослал всех слуг, и в огромной опочивальне Вэй Цзи остался совсем один.

Слушая заунывный завывающий ветер, Вэй Цзи окончательно растерял остатки сна, босой поднялся с ложа и приотворил одно из окон.

Резкий порыв ветра ворвался внутрь вместе с сыростью, пламя свечи затрепетало, а полог занавесок заплескался на ветру.

Вэй Цзи невольно поёжился от холода и, глядя на белую крупцу снега, упавшую на подоконник, нахмурился.

Пошёл снег.

Цзинь Фужуй молча взглядом подгонял Вэй Цзи, и тому пришлось, набравшись храбрости, шагнуть вперёд.

Заметив, что ему никто не спешит подать полотенце, Цзян Янь кадыкнул — его гортань заметно дёрнулась, выдавая явное нетерпение.

Видя, что походка Цзян Яня слегка хромает, Вэй Цзи очень хотел спросить, что случилось, но из-за мрачного и недовольного выражения лица юноши так и не осмелился заговорить.

Вэй Цзи растерянно перевёл взгляд на Цзинь Фужуя, а тем временем Цзян Янь уже умылся и протянул руку, требуя платок, чтобы вытереть лицо.

Услышав это, Цзян Янь отреагировал крайне бурно: он резко вскочил и с досадой выпалил: — С чего это у меня?

Цзян Янь всегда дорожил своим достоинством, особенно в присутствии Вэй Цзи.

Заметив вошедшего Вэй Цзи, он тут же перевернулся на другой бок и отвернулся к нему спиной.

Впрочем, Цзян Янь частенько злился без всякой видимой причины, так что Вэй Цзи давно к этому привык, и успокаивать его было для него привычным делом.

Цзян Янь внезапно открыл глаза — вероятно, проворочавшись без сна всю ночь, он припух, складки на веках казались глубокими, а глазницы слегка покраснели. Сжав губы и с каменным лицом, он прямо и немигающе уставился на Вэй Цзи.

Вэй Цзи заметил это ещё раньше, но подумал, что ему показалось; на деле же всё оказалось куда серьёзнее, чем он предполагал: выходя из кареты, Цзян Янь чуть не упал.

— Я слышал от евнуха Цзиня, что сегодня вы едва не оступились, когда выходили из экипажа, — произнёс Вэй Цзи.

Когда Вэй Цзи вошёл с флаконом кровоостанавливающего и рассасывающего синяки средства, Цзян Янь уже лежал на постели, с головой закутавшись в пуховое одеяло.

Цзян Янь ничего не ответил, лишь поджал губы в тонкую линию и, обогнув Вэй Цзи, направился в спальню.

Юноша плотно закрыл глаза, длинные ресницы намокли, и висевшие на них капли воды скатились по щеке, на мгновение замерли на точёном подбородке, а затем скрылись за воротом одежды.

— Хорошо, — ответил Вэй Цзи.

Это было не впервой: в прошлом, не говоря уж об умывании, они даже вместе парились в горячих источниках без одежды, и тогда Цзян Янь позволял ему не только лицо вытирать.

Встретив недоумевающий взгляд Вэй Цзи, Цзинь Фужуй пояснил: — Когда Его Высочество вернулся, он немного хромал.

Вэй Цзи опешил от окрика Цзян Яня, однако вовсе не обиделся на его тон и, опустив взгляд на его ноги, предложил: — У меня есть лекарство.

Цзян Янь толкнул створку двери и увидел застывшего в растерянности Вэй Цзи, который всё ещё сжимал в руке свиток книги.

Цзян Янь слегка качнулся, но поворачиваться не стал и глухо бросил: — Зачем звал?

Ресницы Вэй Цзи дрогнули, он молча подошёл ближе, поднял руку и аккуратно принялся вытирать лицо Цзян Яня мягким платком.

Вспомнив, что тот провёл на ногах всю ночь и, вероятно, даже не притрагивался к еде, Вэй Цзи не захотел оставлять его наедине с мрачными мыслями и послушно последовал за ним.

Однако с тех пор, как Цзян Янь уверился, будто Вэй Цзи питает к нему какие-то особые чувства, последнему стало куда труднее заниматься этим с прежним безмятежным спокойствием.

Смысл был очевиден.

Цзян Янь вернулся лишь к полудню. На нём был наброшен просторный плащ, подола сапог вымокли в снегу, а на плечах белел слой изморози — вид у него был изнурённый от долгой дороги.

Всё ведь было хорошо во дворце, и отношение его переменялось к лучшему, почему же он снова стал таким?

Цзинь Фужуй удержал Вэй Цзи и сунул ему в руку фарфоровый пузырёк.

В этом облике сквозило столько недовольства, затаённой обиды и даже едва уловимой горечи, что он напоминал путника, который с трудом добрался до дома, но так и не дождался теплого приёма.

Цзян Янь открыл глаза, и готовые сорваться с языка упрёки растаяли: стоило ему увидеть приближающегося Вэй Цзи. Тогда он снова смежил веки, а рука сама собой опустилась.

Цзинь Фужуй велел подать горячую воду. Когда Цзян Янь умывался, заметив, что Вэй Цзи так и стоит столбом на прежнем месте, он сунул ему в руки мягкую полотняную салфетку.

Даже в такие минуты тот не забывал о своих мудрых книгах.

Цзян Янь скривил лицо и с явным неудовольствием стряхнул с себя снег, оставляя по пути к креслу грязные следы от ног.

Цзян Янь переоделся и сменил сапоги за ширмой.

Он неподвижно просидел так до самого рассвета. Снег за окном шёл всё гуще, сколько хватало

глаз вокруг расстиралась лишь первозданная белизна, а ветки слив со скоплениями бутонов согнулись под натиском лихого ветра.

Вэй Цзи поднялся и сдержанно застыл на месте.

Цзян Янь и впрямь отходчив — его легче умиловить, чем младших брата и сестру дома, порой достаточно пары слов, чтобы он повеселел.

Цзян Янь с детства привык к самому нежному уходу и чистоте. Заметив цепочку грязных следов, он нахмурился ещё сильнее и остался стоять на месте, ожидая, пока кто-нибудь принесет чистые сапоги.

Горло Вэй Цзи необъяснимо сжалось, он торопливо отдернул руку и безвкусно обронил: — Ваше Высочество... всё готово.

Вспомнив о ране на ноге Цзян Яня, Вэй Цзи окликнул его.

— Я пойду распоряжусь насчёт трапезы, а уж с мазями и повязками придётся повозиться нашему молодому господину Вэю, — сказал Цзинь Фужуй.

Вэй Цзи закрыл окно и с тяжёлым сердцем вернулся к постели.

Цзян Янь не хотел, чтобы Вэй Цзи знал, будто он простоял на коленях половину ночи перед гробом этой старой ведьмы, но в то же время ему безумно нравилось, когда Вэй Цзи проявлял о нём заботу.

Цзян Янь отвернулся и с неохотой закатал штанину, обнажая синяк на колене.

Кровоподтёк отливал синевой и фиолетом, словно он жестоко ударился о землю, и на фоне бледной, похожей на нефрит кожи это зрелище выглядело пугающе.

Вэй Цзи крепко сжал губы, откупорил пузырёк, выдавил на ладонь немного кремовой мази и, предварительно согрев её между пальцами, аккуратно втер в место ушиба.

Это лекарство помогало разогнать застой крови, а потому требовало растирания. Вэй Цзи постепенно усилил нажим и спросил: — Больно?

Цзян Янь неизвестно когда повернул голову, и стоило Вэй Цзи поднять взгляд, как он тут же встретился с парой чёрных, как смоль, глаз.

В глазах читалась явная жажда заботы со стороны Вэй Цзи, но языком он нёс совсем другое: —

Пустяки. Всего лишь мелкая царапина, с чего бы мне чувствовать боль?

Все благородные яньганы казались одинаковыми — гордые, сильные духом, они ни за что не признали бы поражения.

Цзян Янь подходил под это описание как нельзя лучше. Он панически боялся собак, и стоило ему заметить даже крошечного щенка ростом чуть выше щиколотки, как он тут же морщился.

Однако Цзян Янь никогда в жизни не признался бы в своём страхе. Когда Вэй Цзи, опасаясь, что животное испугает юношу, попытался унести пёсика, тот строго-настрого запретил ему это делать.

В тот день он говорил ровно тем же тоном: — Подумаешь, собачонка, с какой стати мне её бояться?

Раз уж он так выразился, Вэй Цзи не стал уносить щенка.

Вскоре малыш на коротких кривых лапках неуклюже приковылял к ним, и Цзян Янь переменялся в лице от ужаса, но, не желая показывать слабость перед Вэй Цзи, с напускным спокойствием застыл на месте.

Когда щенок потерся о его сапог, лицо Цзян Яня сделалось совершенно белым.

Вэй Цзи не вынес этого и поспешно унёс животное.

Тогда Цзян Янь начал капризничать и, отвернувшись, наотрез отказывался смотреть на Вэй Цзи.

Поскольку к тому времени Вэй Цзи уже раскусил нрав Цзян Яня, он принялся его утешать: — Впереди пруд, я испугался, что щенок свалится в воду, поэтому и перенёс его в безопасное место.

Цзян Янь воспользовался этой подсказкой, чтобы сбросить лицо, слегка вздернул подбородок и с каменным выражением произнёс: — Я и сам знаю.

Напоследок он добавил: — Больше никогда не смей заводить об этом речь.

Вэй Цзи тут же пообещал слушаться и впредь действительно не вспоминал об этом случае ни единого разу.

Хотя Цзян Янь утверждал, что ему не больно, Вэй Цзи всё же действовал мягче, а чтобы ему

было удобнее, опустил на низкую подставку для ног.

Цзян Янь рассеянно блуждал взглядом по сторонам, пока его глаза вновь постепенно не сосредоточились на Вэй Цзи.

У Вэй Цзи были прекрасные брови и глаза, чистые черты лица, а глубокий желобок над верхней губой делал её похожей на птичий клюв — с приподнятыми уголками и очень светлым оттенком.

Цзян Янь целовал их: губы оказались мягкими и слегка прохладными.

Закончив с одной ногой, Вэй Цзи собирался приняться за другую. — Ваше Высочество...

Цзян Янь тут же отвернулся, а кончики его ушей покраснели.

Вэй Цзи замер на мгновение, после чего молча закатал правую штанину юноши.

Снег за окном падал всё гуще и гуще, словно кто-то сверху сыпал гусиным пухом, укутывая весь Восточный дворец в серебряные одежды.

Во второй половине дня Цзян Яню предстояло ехать во дворец на траурную вахту, и после обеда он уже клевал носом от усталости.

— Оставайся в Восточном дворце, больше ни о чем не беспокойся, никто не станет допытываться, где ты пропадал, — произнёс Цзян Янь, полулёжа на постели и приподнимая тяжёлые веки со стеклянным выражением лица.

Пока он говорил, сон почти сморил его.

Видя, как у того слипаются глаза от утомления, Вэй Цзи воздержался от слов, которые могли бы расстроить его.

Ресницы Цзян Яня трепетали ещё пару мгновений, а затем опустились на веки, и вскоре юноша крепко заснул.

Только тогда Вэй Цзи поднялся с места и тихонько выскользнул из почивальни.

Цзинь Фужуй поджидал его в боковом зале и, заметив появившегося Вэй Цзи, шагнул ему навстречу в наброшенном на плечи плаще: — Что-то случилось, молодой господин Вэй?

Стоя на пороге и глядя на бушующую за окном метель, Вэй Цзи ощутил, как между бровей

залегла тревога, и обратился к евнуху: — Будьте добры, евнух Цзинь, помогите мне раздобыть кое-какие вещи.

Услышав это, Цзинь Жуйфу улыбнулся: — Пустяковое дело! Подождите здесь немного, я сей же час всё устрою.

Когда Цзян Янь проснулся, буря всё ещё не утихала, а свинцовые тучи тяжело нависали над землёй.

Он выспался не до конца, и пробуждение принесло с собой горькое чувство растерянности — казалось, он потерял счёт времени. Хмуря брови, Цзян Янь бросил в сторону того, кто находился в комнате: — Который час?

В спальне царил глубокий мрак, свечей не зажигали, поэтому сквозь пелену Цзян Янь разглядел лишь смутный силуэт и решил, что это Цзинь Фужуй.

Мягкий голос произнёс в ответ: — Ещё нет часа взй.

Услышав этот голос, остатки утреннего недовольства в душе Цзян Яня мгновенно испарились. Он приподнялся на ложе и устремил взгляд на Вэй Цзи, стоявшего неподалёку.

Заметив, что в руках того по-прежнему зажат свиток книги, Цзян Янь мысленно фыркнул.

И что в этих книгах такого особенного? Читает целыми днями.

Поднявшись, Цзян Янь нахмурился, а Вэй Цзи, решив, что тому снова нездоровится, обеспокоенно спросил: — У вас снова заболела нога?

Цзян Янь хотел было ответить, будто его боль важна меньше, чем эти проклятые книги, но с языка слетело лишь: — Всё так же.

Вэй Цзи сопровождал его уже четыре года и прекрасно знал, что подобная фраза означала косвенное признание боли. Он снова достал мазь и принялся заново втирать её.

Цзян Яню предстояло ехать во дворец, и времени оставалось в обрез, поэтому Вэй Цзи, быстро нанеся мазь, туго обмотал колени бинтами, опустил штанины и завязал поверх них нечто неожиданное.

Цзян Янь недоумённо спросил: — Что это?

— Наколенники, — ответил Вэй Цзи.

Только что он попросил у Цзинь Фужуя иголки с нитками, лоскуты ткани и вату.

Цзинь Фужуй был на редкость сметлив и с полуслова понял, для чего они нужны: ткань прислали уже раскроенной умелыми руками мастериц.

Это значительно облегчило Вэй Цзи задачу: ему не пришлось возиться с ножницами, достаточно было просто набить их ватой и аккуратно сшить.

Пока Цзян Янь спал, Вэй Цзи сидел у окна и сшивал наколенники. Всего он изготовил пять пар.

Одну для Цзян Яня, одну для принцессы, одну для императрицы, а также для своего отца и мачехи.

Император обладал высшей властью, и даже будучи родной матерью государя, вдовствующая императрица по древним законам не обязана была стоять на коленях во время траура, но с императрицей дело обстояло иначе.

Вэй Цзи затянул шёлковые ленты на ногах Цзян Яня: — Если подложить это, колени не будут так сильно страдать.

Зимняя одежда была просторной и плотной, так что наколенники совершенно терялись под ней, оставаясь невидимыми для окружающих.

Цзян Янь пошевелил коленом, и уголки его губ медленно поползли вверх.

<http://bllate.org/book/18661/1799266>